

Голосенко И.А.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РОССИИ второй
половины XIX — начала XX века: Библиографический
указатель. М.: Онега, 1995.**

Новый библиографический указатель, составленный И.А.Голосенко — охватывает более чем полувековой период развития социологии в России (с 1869 по 1922 г.). Всего в нем 2295 наименований — число, которое древние египтяне изобразили бы в виде человека с руками, в знак изумления вознесенными к небу. Признаюсь, что и мое первое впечатление от указателя И.А.Голосенко чем-то напомнило этого египтянина.

Вероятно, только у нас в России на исходе XX века возможно такое явление: один человек — не институт, не коллектив авторов, а именно один человек! — составляет библиографический указатель объемом в 223 страницы! Пишу это без всякой иронии, просто по той простой причине, что сам прекрасно знаю, как много времени и сил отнимает всякая научная черновая работа, на которую неискушенный читатель порой не обращает ни малейшего внимания. Все эти комментарии, указатели, библиографии чаще всего снисходительно перелистываются читателями, а имена их авторов и составителей обозначаются где-нибудь на книжных задворках мелкими-премелкими буквами. Не ошибусь поэтому, предположив, что рецензируемый библиографический указатель потребовал от автора нескольких лет, а может быть и десятилетий напряженного самоотверженного труда. Самоотверженного — поскольку, начиная такую работу, никогда нельзя быть уверенным, что она будет завершена и тем более доведена до тиража. В данном случае можно только поздравить И.А.Голосенко с победой (обеспеченной финансовой поддержкой международного фонда "Культурная инициатива") и поблагодарить его от имени по меньшей мере пяти тысяч читателей указателя (таков его тираж), которым он послужит — я в этом абсолютно уверен — в течение долгих лет. На этом с "торжественной частью" можно покончить и приступить к деловой.

Принципы составления указателя обозначены самим автором во введении. В список не включались популяризаторские и публицистические работы, не включались работы, в названиях которых слово "социология" и производные от него присутствуют лишь номинально (для пояснения своей мысли автор приводит удачный пример с "социологией Волги", что означает всего лишь на всего расписание движения пассажирских пароходов по матушке-реке). Не включались также работы, которые "не отвечали методологическим и предметным требованиям социальной науки, хотя и претендовали именно на это" (с.8). По этой причине в указателе отсутствуют сочинения В.С.Соловьева (кроме нескольких наименований), некоторые работы Б.Н.Чичерина, и, по-видимому, по этой же причине "блистает своим отсутствием" П.Я.Чаадаев.

Для более строгого обоснования указанных принципов автор рассматривает "центральные темы русской социологии", из которых особо выделяет следующие: "конституирование социологии в качестве самостоятельной науки", "обсуждение проблем социальной динамики", "социальное поведение и социальная структура", "познание России" и, наконец, "отклики на сочинения ведущих западных социологов" (с. 12-16).

Сомнительным кажется утверждение: "Как и в истории всей науки, социология освобождалась от удушающих объятий философии путем развития эмпирических основ и приемов работы" (с. 12). Положение это носит весьма спорный, а в данном случае и запредельно широкий характер. В рамках рецензии, разумеется, нет смысла писать о взаимоотношениях социологии и философии. Хочется только обратить внимание, что данное утверждение И.А.Голосенко не находит подтверждения и в самом указателе? Иначе, как объяснить, что в нем довольно широко (хотя и неполно) представлены работы

С.Н.Булгакова, философа, у которого встречается даже специальный термин "критика социологического разума"?

Впрочем, знакомство с содержанием указателя заставляет забыть об этом и о некоторых других пунктах. Не только богатство, но и разнообразие — "широта и размах", если можно так выразиться — социологической литературы в России ошеломляют. И это всего лишь за полвека! Действительно, взлет социологии в России был ярким и стремительным. С учетом того, что Россия на рубеже веков вообще развивалась ускоренными темпами, в этом, может быть, и нет ничего удивительного. Искусство, философия, литература и поэзия "серебряного века" — к этому мы уже привыкли, не удивляемся. Но социология? Оказывается, что и социология не только не была исключением из правила, а, напротив, может быть, самым наглядным образом и подтвердила это правило. Если, например, в 1869 году в России вышло всего лишь 20 книг и статей по социологии, то в 1909 — 70, в 1910 — 98, в 1911—73, в 1912—106, в 1913 — 85, в 1914 — 86, в 1915 — 71, в 1916 — 65, в 1917 —179, в 1918—18, в 1919—12, 1920 — 16, 1921 — 15, 1922 — 44.

Эта статистика поучительна сама по себе. Некоторое замедление темпов развития социологии в 1911 году, вероятнее всего, обусловлено на шумевшей в свое время историей с отставкой большого числа профессоров Московского университета, ушедших со своих постов в знак протеста против политики тогдашнего министра народного просвещения Л.И.Касса (жаль, что в указатель не вошла небольшая, но очень ценная, на наш взгляд, брошюра В.И.Вернадского "1911 год в интеллектуальной жизни России", хотя в ней и представлены другие его работы по социологии или близкие к социологии). Удивительная — и, увы, последняя — вспышка социологической активности в России произошла в 1917 году, что лучше всего подтверждает тот тезис, который теперь пора уже без лишних слов сформулировать:

"Социология — дитя свободы".

Только в условиях интеллектуальной свободы возможно бытие и процветание социологии. И цифры 1918-1922 годов лишний раз подтверждают это, хотя и подтверждают "от обратного". После яркой вспышки 1917 года резкое падение! Перефразируя И.А.Голосенко, можно сказать: социология попала в "удушающие объятия" большевиков, из которых ей еще не скоро удастся вырваться.

Указатель заканчивается 1922 годом. Закрываешь его с некоторым сожалением, с вопросом: а что же было дальше?

Во "Введении" И.А.Голосенко отвечает: дальше начался "большевистский контроль над книгами, программами и содержанием лекционных курсов по общественным наукам. Начался процесс ликвидации идейных и институциональных основ социологии в России и создания ее зарубежной ветви в лице высланных или эмигрировавших социологов" (с.12). В Советской же России о социологии на долгие годы забыли. Потом, когда вспомнили, то сначала занесли ее в одну графу с кибернетикой, этой "продажной девкой мирового империализма". Еще чуть позже спохватились: у империалистов есть социология, а у нас нет?! Да не будет так! Так был создан ИКСИ. Это, конечно, другая история. Интересно только продумать вопрос о том, как теперь — или в будущем — должны совместиться две эти ветви отечественной социологии: зарубежной и той, что в неимоверно тяжелых условиях, "в удушающих объятиях истмата" жила, боролась и иногда даже побеждала, хотя чаще всего проигрывала здесь, в России, на родной, хотя и сильно отравленной почве? Иными словами: должен ли следующий указатель русской социологической литературы, начинающийся с 1923 года, состоять из одной части или же из двух, т.е. из русской социологической литературы за рубежом и в СССР? Возможно ли, и если да, то как осуществить подобное совмещение? Была ли хоть какая-нибудь связь или переключка идей? Все это вопросы, обращенные в будущее, но так или иначе отвечать на них придется.

Если вернуться к указателю И.А.Голосенко, то в похвалу ему надо сказать следующее. Я совершенно уверен, что любой заинтересованный читатель, просматривая и перелистывая его, сделает для себя массу удивительных и радостных открытий. Я, например, открыл для себя (помимо всего прочего, разумеется) брошюру В.М.Фриче "От Чернышевского к "Вехам" (№ 1508), о существовании которой (должен признаться к стыду своему, поскольку уже много лет занимаюсь "Вехами" и "околовеховской" полемикой) до сих пор и не подозревал. Разумеется, тотчас же взял ее себе "на карандаш".

Другие читатели открывают для себя что-то другое, свое, но так или иначе — повторяю еще раз — что-то "открывают" все.

Жанр рецензии требует и указания недостатков рецензируемой книги. Встречаются досадные опечатки (всегда досадные, но в библиографическом указателе особенно). Так, например, в "Указателе имен" настоящая фамилия П.Витязева указана неправильно: "Федосенко", хотя в самом указателе под № 1883 псевдоним раскрыт правильно: "СеденкоФ.И.". В указателе же имен фигурирует "Орженецкий", под соответствующим номером указателя (№№ 984, 1257, 1328, 1837) значится "Орженицкий", а на самом деле это Орженцкий.

Огорчает отсутствие некоторых "дорогих имен": не говорю уже о П.Я.Чаадаеве (он просто не попал в разряд социологов), но вот куда подевался Александр Львович Блок, возглавлявший в свое время "варшавскую школу социологии"? В указателе значится его ученик Е.В.Спекторский, а самого Александра Львовича нет, как будто и не было никогда. Между тем, социологи, а тем более историки социологии должны знать его не только как отца поэта.

Алексей Михайлович Рыкачев представлен в указателе как автор двух незамысловатых рецензий. Между тем он в 1910 году издал замечательную книгу "Деньги и денежная власть". Русский Зиммель, шутка ли сказать! К сожалению, как это нередко бывает в России, он прошел стороной по родной земле "как проходит косой дождь". Дата его рождения неизвестна, год смерти (1914) под вопросом. "Кто он, что он, где он и откуда?" *ignotus*. Жаль, что его главная книга тоже не попала в указатель. Советую всем обладателям указателя вписать ее от руки на с.145 под № 1520а. А заодно ознакомиться и с самой книгой. Из работ В.В.Святловского указана лишь одна статья (№1109). А его книга "Профессиональные рабочие союзы" (СПб., 1908) отсутствует.

К некоторым "номерам" не мешало бы сделать подстрочные примечания. Например, книга П.А.Сорокина "Преступление и кара", действительно вышла в 1913 году, но на титуле ее указан 1914 год. Без соответствующих разъяснений это может превратиться в "кочующую" библиографическую ошибку, а такого рода ошибки, как известно, почти неистребимы.

Под номером 2244 (с. 196) фигурирует книга того же П.А.Сорокина "Голод как фактор". "Знающие знают", что, строго говоря, такой книги нет. Сохранилось всего несколько экземпляров этой полу-книги, которая в свет так и не вышла. В Москве, насколько мне известно, имеется два ее экземпляра: в ИНИОН и в РГБ. Имеется ли она в библиотеках Петербурга, не знаю. Во всяком случае, этот пункт не мешало бы особо оговорить.

Все эти замечания, разумеется, нисколько не умаляют достоинств указателя. Перед нами целый материк, о существовании которого мы до сих пор лишь случайно догадывались. И даже догадываясь, не предполагали, что он столь огромен и величествен! Материк этот называется "Русская социология", а открыл его И.А.Голосенко. Закончу словами В.В.Розанова, слегка их перефразировав: "Спасибо, Игорь Анатольевич, и будем читать".

В.В.САПОВ,
кандидат философских наук